

УДК 811.1/8

И.В. Тубалова

ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС КАК ПРОТОТЕКСТОВАЯ СРЕДА БЫТОВОГО ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА

Рассматриваются коммуникативные цели включения в бытовой диалектный текст речевых фактов официально-делового дискурса и стратегии их достижения. В основе выбора стратегий – когнитивные установки говорящего, обусловленные его принадлежностью к определенному типу культуры, ситуацией производства и условиями фиксации текста. В результате выявляется, что факты апелляции к официально-деловому дискурсу реализуют в бытовом результирующем тексте модель «правильного», «гармоничного» социального существования.

Ключевые слова: официально-деловой дискурс, разговорно-бытовой дискурс, когнитивная модель, полифоническое включение.

Современная лингвистика, проявляя выраженный интерес к проблеме текстопорождения, в качестве одного из аспектов исследования данного процесса избирает выявление когнитивных установок говорящего, определяющих принципы структурирования речевого потока. В частности, в рамках заявленного аспекта значимым оказывается принцип «послойной» организации речевого потока, где каждый «слой» является носителем определенной «дотекстовой» информации, содержание которой зависит от наличия в сознании говорящего и слушающего представлений об определенных дискурсивно обусловленных текстовых типах. Их форма обладает некоторым набором специфических маркеров, а содержание представляет собой обобщенное выражение целей, аксиологических ориентиров, субъектно-объектных позиций и тематических приоритетов соответствующих дискурсов.

В процессе текстопорождения в речевой поток в качестве представителей текстов-источников встраиваются некоторые «коммуникативные фрагменты» – «конкретные выражения, выступающие по отношению к новой форме в качестве прототипического фона» [1. С. 97]. Такой подход позволяет рассматривать речевой поток как **полифоническую структуру** – особый способ организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации текста. Речевой поток при таком подходе обладает свойством нелинейности.

Единицей данной структуры является **полифоническое включение** – речевой фрагмент, отягощенный некоторой «дотекстовой» информацией, «унаследованной» из предшествующих текстов, независимо от осознанности/неосознанности его прецедентности как автором данного текста, так и его адресатом.

Природа полифонического включения в первую очередь определяется обращенностью к «готовым» текстовым формам. В этом случае полифоническое включение представляет собой интертекст как проявление различных форм присутствия (от точных цитат до аллюзий) в некотором тексте других

текстов, существующих в данном культурном пространстве. Кроме того, смысловая организация текстовой полифонии может обеспечиваться обращением полифонического включения не к конкретному тексту, а к некоторой дискурсивной области, предполагающей функционирование текстов определенного типа. При этом полифоническое включение становится носителем смысловых компонентов, присущих некоторому первичному типу дискурса (понимаемого как «форма жизни» – по Л. Витгенштейну [2], «дискурсивная формация» – по М. Фуко [3], «идеологическая формация» – по М. Пешё [4]), не совпадающему с типом дискурса, в котором функционирует результирующий текст.

Объектом исследования в данной статье является бытовой диалектный текст как полифоническая структура, предметом – способ коммуникативной реализации официально-деловых полифонических включений в их дискурсивной обусловленности. Материал исследования – записи текстов среднеобского говора, выполненные в рамках экспедиций студентов и сотрудников Томского государственного университета в районы бытования среднеобского говора (60–80-е гг. XX в.), в том числе изданные в виде сборников текстов [5, 6], записи текстов амурского говора, опубликованные в фольклорно-диалектологическом альманахе [7, 8], а также тексты диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Полифоническая структура бытового диалектного текста отличается определенным своеобразием, в основе которого – специфика когнитивных установок говорящего, связанная, во-первых, с его принадлежностью к определенному типу культуры, а во-вторых, с ситуацией производства и условиями фиксации текста.

В качестве информантов выступают представители старшего поколения носителей русской крестьянской культуры. Период их личностного формирования пришелся на 20–30-е гг. XX в. – время активного распространения советской культуры с ее коммунистической идеологией, установками на пропаганду колхозного движения, ликвидацию безграмотности и т.д. Это поколение пережило Великую Отечественную войну. Все эти особенности социальной жизни информантов оказывают влияние на их языковое сознание, на процесс текстопорождения в аспекте его стратегической ориентации.

Кроме того, специфика исследуемых полифонических включений определяется ситуативными когнитивными установками, связанными с особенностями фиксации текстовых материалов: все записи сделаны в условиях общения с собирателями диалектного текста, соответственно, все тексты представляют собой нарративы, порожденные в рамках общения с представителями иного поколения и иной культурной среды, что предполагает ориентацию на информативность, – говорящие в определенном смысле становятся «трансляторами истории», отраженной в личностно-бытовом восприятии. Среди когнитивных установок, действующих в процессе порождения зафиксированных текстов, значимой для нас также является их дидактическая ориентированность (передать молодому поколению знание о прошлой жизни).

Полифоническая структура исследуемых текстов содержит полифонические включения различной прототекстовой принадлежности. Перечень про-

тотекстовых сфер определяется видами дискурсивных практик (по М. Фуко [3]) информантов. Носители диалекта на разных этапах своей жизни получают и обсуждают информацию о политических событиях, обращаются к документам, посещают официальные мероприятия (собрание, сельский сход и под.), слушают радио, смотрят телевизор и т.д. Полифонические включения диалектного текста, соответственно, имеют отнесенность к политическому и официально-деловому дискурсам, дискурсу СМИ, а также художественно-поэтическому (в том числе фольклорному) дискурсу. Научный дискурс, практически не проявляет себя в диалектном тексте в качестве протекстового источника¹.

Рассматриваемые дискурсивные практики дифференцируются следующим образом.

1. «Внешние» дискурсивные практики, содержание которых определяется институциональными установками данного социума (операции с документами – оформление паспорта, разного рода справок и т.д., обращение в официальные инстанции, участие в политической жизни государства и т.д.).

2. «Внутренние» дискурсивные практики, содержание которых определяется интенциями личного характера. Дискурсивные практики такого типа реализуются на основании коллективного осмысления бытового жизненного опыта.

Институционально обусловленные дискурсивные практики носителя диалекта оформляются в том числе и через тексты, источником формирования которых являются различные внешние по отношению к его личному жизненному пространству структуры. В первую очередь это государство – с его идеологически ориентированными текстами, распространяемыми через доступные носителю диалекта средства массовой информации (в деревенском социуме второй половины XX в. радио и телевидение, а для грамотной части населения – газеты и журналы). Кроме того, это выступления, звучащие в 30–70-е гг. XX в. на многочисленных сельских сходах и собраниях, произносимые местными партийными и производственными лидерами, приезжими агитаторами и пропагандистами, а также тексты, усвоенные в процессе школьного образования, чтения книг агитационно-пропагандистской тематики (для грамотных представителей деревенского социума), тексты агитационных лозунгов и т.п.

Дискурсивные практики, сформированные на основе бытового опыта носителя диалекта, находят выражение и в эстетически переосмысленных текстах. Прежде всего, это фольклор, одна из функций которого – регулирование бытовых норм и правил жизни социума. Кроме того, это тексты художественные, усвоенные при чтении книг, прослушивании/просмотре радио- и телепостановок художественных произведений и под. Последние входят в речевой фонд говорящего как результат эстетического переживания услы-

¹ В данном случае мы не привлекаем к анализу факты полифонических включений, использование которых определяется индивидуально-личностными особенностями говорящего: включенными, например, в результате знакомства представителей сельской интеллигенции с определенными научными произведениями.

шанного/прочитанного и становятся, таким образом, частью его личного эмоционального опыта восприятия мира¹.

Сферой реализации «внешних», институционально обусловленных дискурсивных практик носителей диалекта являются институциональные (по В.И. Карасику [9]) дискурсы: в первую очередь – официально-деловой и политический.

Даже в лично-ориентированной речевой среде полифонические включения институционального характера играют значительную роль, и их концентрация оказывается достаточно высокой по сравнению с другими типами включений (например, художественно-поэтических, среди которых высокой частотностью употребления отличаются только пословицы и поговорки).

Обилие полифонических включений, прототекстовым источником которых являются различные сферы официальной коммуникации, объясняется действом общих тенденций советской риторики, которая обнаруживала «первичность» документа как вида словесности» [10. С. 17] и «вполне соответствовала характеру и функциям советской культуры», осмыслявшейся «как созидание нового, как начало нового мироустройства» [Там же]. А.П. Романенко отмечает, что в рамках таких тенденций имела место «демократизация деловой речи»: документ начала советской эпохи получил установку на доступность «широким массам в основном неграмотного населения, освоившего революционную ораторскую риторику» [10. С. 19]. Кроме того, документ «должен был стать партийным, должен был, как и вся агитационно-пропагандистская словесность, оказывать воспитательное и просветительское воздействие на массы» [Там же]. На факты, обусловленные действием данной тенденции, указывает и О.П. Сологуб, отмечая, что, например, «характер функционирования РЖ ‘жалоба / заявление’ в послереволюционный период определялся... ослаблением процессов регламентации письменной речевой деятельности в сфере делового общения со стороны государственных органов», в результате чего тексты документов такого типа «отличаются повышенной экспрессией, обусловленной характером советской пропаганды середины 20-х – 30-х годов» [11. С. 217]. Таким образом, исследователи показывают, что демократизация текста документа как способ обеспечения его широкого распространения стала одной из институциональных установок раннего советского общества. Это, в свою очередь, инициировало процесс, обозначенный А.П. Романенко как «канцеляризация советской словесной культуры» [10], в рамках которого формируется исследуемый текстовый «слой» в диалектной речевой среде.

¹ Определение рассматриваемых дискурсивных практик как «внешних» и «внутренних» имеет значительную долю условности: с одной стороны, указанные «внешние» практики для человека, выросшего и сформировавшегося в советскую эпоху, становятся неотъемлемой частью его личного жизненного опыта, с другой – онтогенез художественно-поэтической среды как структурного элемента полифонического текста диалектной культуры также связан с процессом ее освоения, усвоения, осмысления. Таким образом, парадигма «внешнего/внутреннего» в данном контексте призвана сосредоточить внимание на противопоставлении социально регулируемых и лично обусловленных сфер человеческого существования.

Отметим еще одно важное положение, которое, на наш взгляд, следует из приведенных выше. Проникновение в бытовую словесную культуру (в том числе диалектную) речевых стереотипов официально-делового дискурса нужно рассматривать как результат пересечения двух институциональных установок: установки на распространение коммунистической идеологии – ведущей, определяющей по отношению к остальным, а также установки на демократизацию документа.

В данной статье исследуется специфика функционирования в бытовом диалектном тексте полифонических включений **официально-делового дискурса** как сферы реализации «внешних», институционально обусловленных дискурсивных практик носителей диалекта.

Зафиксированные полифонические включения такого типа представляют собой речевые стереотипы институционального дискурса, проявленные в текстах бытового диалектного дискурса (по В.И. Карасику – личностно-ориентированного [9]).

Рассмотрим специфику официально-делового дискурса как институциональной прототекстовой сферы и принципы ее идентификации в результирующем тексте.

Официально-деловая коммуникация определяется исследователями как «коммуникативное пространство, которое образуется пересечением таких коммуникативных сфер, как официальная, деловая, государственная, правовая сферы коммуникации, и в котором доминируют коммуникативные процессы, связанные с реализацией посредством официально-деловых текстов регулятивной функции» [11. С. 140]. Указанный вид коммуникации реализуется в рамках официально-делового дискурса, выступающего по отношению к рассматриваемому виду полифонических включений бытового диалектного текста в качестве **прототекстовой среды**.

Регулятивная функция официально-делового дискурса формирует определенные когнитивные установки, направленные на отражение различных форм институциональной нормативности. Субъекту диалектного текста свойственна ориентация на онтологическое восприятие мира, согласно которой социальное, природное и духовное устанавливают отношения взаимобусловленности и представляют единую цельную систему. Соответственно, некоторые проявления институциональной нормативности в бытовом сознании могут «присваиваться», становясь ориентирами индивидуально-личностной ценностной модели (например, брак как социальный институт предполагает его обязательную официальную регистрацию, и в бытовой ценностной модели наличие регистрации рассматривается как показатель нормы семейного существования).

Текстовое пространство официально-делового дискурса реализуется в форме официально-делового стиля речи, основополагающими свойствами которого являются особая традиционность, стандартизованность и аксиологическая нейтральность.

В соответствии с этим в большинстве случаев включения официально-делового дискурса в бытовом тексте обнаруживают себя как речевые стерео-

типы официально-делового стиля речи, проявленные в бытовом текстовом окружении: *Не все равно живут. Населенность большая* (СГ¹).

Языковые средства официально-делового стиля образуют относительно замкнутую систему, основу которой составляют специфические единицы трех уровней: лексического (*смертность, квалификация, предписание* и под.), морфологического (обилие отглагольных существительных: *нападение, заселение, рассмотрение* и под.) и синтаксического (взаимозамещение активных и пассивных конструкций: *имела билет ударника* (=у меня был билет ударника), *были населены казаки* (=селились, жили казаки) и под.).

Полифонические включения официально-делового дискурса во многих случаях сопровождаются в результирующем бытовом диалектном тексте различного рода нарушениями собственно грамматической нормы, а также лексической и грамматической сочетаемости, что является дополнительным свидетельством инодискурсивности их природы: *Ну вот, много молодежи. Подряд всех брали, а потом угоняли в Германию. И меня назначили, но я ушла, схоронилась и не поехала. А много... А теперь кто был в Германии, вон прислали, они получают пенсию больше. Все ушли. Мы окопы копали, блиндажи копали безумно* (РНК²) // *Везде ровно жили. Начнут зачитывать – в год мешок тебе достанется. Крапива – самая хорошая питания* (СГ).

Еще одним основанием идентификации полифонических включений официально-делового дискурса является обращение к реалиям официально-деловой сферы в текстах бытовой референциальной отнесенности. Оно может быть оформлено как прямое именование официального статуса описываемого объекта, введенное с определенной целью, например чтобы подчеркнуть положительную аксиологическую характеристику лица: [*О нынешней сожительнице сына*]: *Ничего не было, никого, вся гола была, когда пришла! Первая-то баба законная жена, она легистрирована. Она в каком-то консоле работает* (СГ) (регистрированный брак как показатель нормы семейного существования). Кроме того, обращение к реалиям официально-деловой сферы может быть выражено косвенно, в виде фиксации в бытовом тексте протодискурсивных моделей существования: *Бога не трогайте, кто над нами руководит, в Бога-т я верую, а причащаться – и я причащаюсь* (СГ) (отношение к Богу как к высшему уровню должностной иерархии, выраженное через семантику глагола «руководить»).

Концентрация полифонических включений официально-делового протодискурса оказывается достаточно высокой в текстах всего спектра **жанрово-тематического содержания**, обнаруживаемого в исследуемом материале.

Дидактическая направленность рассматриваемых диалектных текстов, их ориентированность на трансляцию знания представителю иного поколения и иной социокультурной среды определяет тематические приоритеты исследуемых нарративов, которые формируются вокруг определенного круга тем: история создания колхозов, революционная и военная история страны и ее влияние на жизнь деревни, история личной жизни информанта и его семьи,

¹ СГ – здесь и далее: записи текстов Среднеобских говоров, выполненные в рамках диалектологических экспедиций студентов и сотрудников Томского госуниверситета (1965–1989 гг.).

² РНК – здесь и далее: Национальный корпус русского языка // www.ruscorpota.ru

религия, современная жизнь в ее семейно-бытовом и общественно значимом воплощении. «Голос документа» (официально-деловой дискурс) проникает практически во все названные тематические зоны, вплоть до максимально отдаленных от официально-деловой тематики: *Ребята были. Советуют, чтоб царя-то сместить. Сместили царя. В писанин говорилось: если царя съмут, то жизнь плохая будет* (СГ). Восприятие царя (=наследственного титула монарха) как должности (=служебного положения) демонстрирует отсылку к официально-деловому протодискурсу как исконной для деловых отношений среде.

Характер использования в процессе текстопорождения «голосов» официально-делового дискурса может быть описан через систему речевых стратегий, направленных на реализацию коммуникативных целеустановок диалектоносителя.

Рассмотрим полифонические включения официально-делового и политического дискурса в аспекте «феномена стратегемности» [12. С. 250], где исследуемые речевые формы выступают как результаты речевых действий, приведших к запланированной цели [Там же. С. 253].

Полифонические включения официально-делового дискурса в первую очередь реализуют в зафиксированных текстах модель «правильного», «гармоничного» социального существования. Эта модель, диктуемая системой институциональных установок, воспринимается носителем диалекта как онтологически верная, несмотря на вариативность оценки социального бытия, зафиксированной без участия рассматриваемых включений.

Исследуемый вид текстовой полифонии проявляет себя при реализации следующих **коммуникативных целей**.

1. Наиболее частотно обращение к официально-деловому дискурсу осуществляется в целях **создания эффекта достоверности** повествования. Данная коммуникативная цель реализуется в текстах, референциальная отнесенность которых не связана со сферой официально-деловой коммуникации: *Тода помене село было. Большая населения все равно была, сибиряки за рекой жили* (СГ).

2. Речевые стереотипы официально-делового дискурса используются для **передачи событий официально-делового характера**, что проявляется в текстах, референциальная отнесенность которых включает объекты официально-деловой сферы: *Получим в Новгороде квартиру... У няво отчим есть. Отчим тоже был на подводной лодке и моряком двадцать пять лет. Он получает щас пенсию хорошую. Попадено у него заявление на квартиру в Новгороде. Ну вот не знаю – либо уже и дали. Они говорили / что скоро дадут* (РНК).

3. Потребность в реализации эффекта убедительности высказывания во многих случаях сочетается с реализацией **оценки ситуации с позиции коллективной этической нормы**. Включения официально-делового характера в этом случае выступают как маркеры нормы/антинормы «правильного», «гармоничного» существования: *В деревне-т нынче плохо живут. Все сплошь и рядом пьют. Семьи нарушают, жен выгоняют* (СГ).

Речевые стратегии, в рамках которых говорящий обращается к текстовым моделям официально-делового дискурса, практически никогда не при-

обретают осознанного характера (по крайней мере, показатели осознанности включений такого типа в исследованном материале не зафиксированы): «канцелярский» дискурс вошел в речевое сознание носителей диалекта как часть языкового бытия, как норма речевого отражения социальной стороны их существования.

Рассмотренные коммуникативные цели определяют использование следующих речевых стратегий.

1. Для **достижения эффекта достоверности** повествования, а также для **передачи событий официально-делового характера** рассматриваемые полифонические включения используются в диалектном тексте в рамках стратегии **воспроизведения «правильного» способа говорения о предмете**. Данная речевая стратегия предполагает использование определенных речевых моделей при обсуждении соответствующих объектов действительности: использование деловых формул и профессиональных терминов при описании производственного процесса, наименований идеологом и политических формул – в рамках разговоров о политике, медицинской терминологии – в разговорах о болезнях и их лечении и т.п.

Разговорно-бытовой (в том числе диалектный) дискурс отчетливо проявляет тенденцию к использованию инодискурсивных жанрово-стилистических средств в качестве «легитимной опоры» при описании предмета речи, соответствующего дискурсу-источнику (чаще всего – средства официально-делового стиля и жанровые модели официально-делового дискурса при обращении к явлениям делового характера): *Когда дояркой работала, зарплаты маленькие были, **коэффициент** не подходит. Вот и все, и осталась я ни при чем. Вот и сейчас здоровье негодное, пенсия маленькая (РНК)*. Но «легитимность» данного прототекстового источника распространяется в диалектном тексте и на предметы речи, не связанные напрямую с дискурсом официально-деловой среды. В этом случае приходит в действие фактор доверия информанта «голосу документа», определяющего при трансляции знания представителю иной культуры использование официально-деловых включений в речевых произведениях, где ни условия контекста, ни денотативная текстовая принадлежность не предполагают такой необходимости: ***Смёртность** большая была, не лечили. Не как сейчас (СГ) // ...А сейчас в нашей деревне молодежи маленькая **количества** (СГ)*.

При этом если в городской текстовой среде автор речевого произведения нередко эксплицирует процесс подбора «нужных» слов, которые, по его представлению, следует использовать в данной речевой ситуации при описании данного предмета речи (...*У нас все здесь конкурсы проводятся. Для того чтобы человек **повысил** свою **квалификацию**, как можно еще так **сказать**. Ну, побыстрее повысил, **повысил там разряд** или что-то, у нас на работе прям, на рабочем месте, на объектах*), то в диалектном тексте подобного рода дистанцированность автора от текста не фиксируется.

Стратегия воспроизведения «правильного» способа говорения о предмете в основном используется в диалектных текстах двух тематических типов: (1) рассказы диалектоносителей о жизни деревни в прошлом и в настоящем (последнее становится актуальным при общении с филологом-собирателем как представителем инокультурной среды); (2) автобиографические рассказы

диалектоносителей – тексты речевого жанра «воспоминание», организованные по модели «автобиографии» как жанра официально-делового дискурса: *Работала в сельпо. Ну, комсомолка, конечно, была, с тридцать пятого года. Направили в органы, секретарь-счетовод. Работала до пятидесятого года* (АГ¹). В приведенном фрагменте текста бытового дискурса отчетливо проявляются фрагменты, соответствующие официальному жанру «автобиография»: указание временных границ этапов профессиональной деятельности, наименование занимаемой должности (*секретарь-счетовод*), места работы (*сельпо, органы*), политического статуса (*комсомолка*) и т.д. Информант, таким образом, в процессе общения с представителем инокультурной среды (филологом-собирателем) избирает в данном случае в качестве «правильного» способа подачи информации о своей жизни текстовую (жанровую) модель официально-деловой среды.

(1) В рассказах о жизни деревни в прошлом и в настоящем повествование в большинстве случаев носит констатирующий характер (не приобретает аксиологической ориентации), реальность предстает как онтологическая данность. Цель включения – реализация эффекта достоверности – достигается в рамках рассматриваемой стратегии за счет придания бытовой информации статуса официально документированной (= «верной»): «объективность» документа, его нулевая аксиологическая нагруженность оказываются теми свойствами, которые в результирующем тексте реализуют «объективную» и «достоверную» картину прошлой и настоящей жизни: *Постепенно стали лошадей приводить, технику подавать, пополнять. Деревня возобновилась. Как война кончилась, объявили, мы были в поле с коровами, а потом с поля сообщил бригадир, что война кончилась* (РНК).

Небольшое количество фактов использования оценочных выражений неэмоционального характера в качестве полифонических включений официально-делового дискурса демонстрирует явно сниженный уровень интенсивности аксиологической квалификации: *Вот какие недостатки после войны, я же рассказывала, как было трудно* (РНК).

(2) Автобиографические рассказы диалектоносителей, согласно дискурсивным условиям текстопорождения, имеют бытовую направленность (вероятнее всего, реакция на просьбу филолога-собирателя рассказать о себе). Но, несмотря на это, в основе их порождения оказываются социально, институционально ориентированные категории, которые «поглощают» информацию о личностно-бытовой стороне жизни говорящего, отводя ей в структуре текста автобиографического рассказа подчиненную роль. Структурная организация автобиографического рассказа, таким образом, определяется потребностью информанта обнаружить институционально значимые моменты собственной жизни, и формулы официально-делового дискурса, используемые для достижения эффекта достоверности, демонстрируют значимость социального статуса в советской деревенской среде и являются легитимной опорой его описания. Приведем в качестве иллюстрации две выдержки из одного объемного автобиографического рассказа, где в основе повествования –

¹ АГ – здесь и далее: записи текстов амурского говора, выполненные в рамках диалектологических экспедиций студентов и сотрудников Амурского госуниверситета ([7], [8]).

модель автобиографии как официально-делового документа (проявления которой приобретают функцию маркеров внутренней организации повествования), а личностно-бытовая информация вводится как дополнительная в комментариях к ним: (а) *За работу в тылу награждена тремя медалями – «За самоотверженный доблестный труд», «100 лет со дня рождения Ленина», «Участнику трудового фронта». Привезли в подарок скатерть...* (б) *Работала в Кёнге, начала еще до войны. Имела билет ударника, возили на слет ударников. Так и жила – куда посылали, туда шла* (СГ).

Кроме того, стратегия воспроизведения «правильного» способа говорения о предмете предполагает в рамках автобиографического рассказа «цитацию» автором речевого произведения конкретных официальных документов, с которыми он сталкивался на протяжении своей жизни в процессе обращения в официальные инстанции, или их наименований. В этом случае целеустановка на достижение эффекта достоверности оказывается на периферии, ведущую роль приобретает цель **передачи событий официально-делового характера**: *Ну, а потом вот Валя родилась. <...> За уход ребенка мне зачислили три года* (АГ) // *И долго-долго я ходила, это, на перевязки, и уволили меня как по болезни. Уволена по болезни трудовой* (АГ) // *[Из рассказа о хлопотах информанта по поводу получения его семьей официального статуса репрессированных:] С Благовещенска прокурор отвечает: чтобы подтвердить вам действительность, надо копии с метрической выписки* (АГ).

Отметим, что при «цитировании» официально-деловых документов полифонические включения в некоторой степени получают элемент дистанцированности от основного текста автобиографического повествования, в основе которого – осознание говорящим документальной фиксации событий их личной биографии.

2. В целях актуализации **оценки ситуации с позиции официальной нормы** в диалектном тексте используется стратегия **официализации бытового повествования**, которая проявляется при порождении текстов личностно-бытовой референциальной отнесенности.

В текстах личностно-бытовой тематики (в основном – о семье, об отношении к религии и под.) аксиологические цели играют ведущую роль. Для их достижения в рамках стратегии официализации повествования бытовая информация с помощью официально-деловых включений получает определенное место на шкале «правильного/неправильного социального существования»: *Вот того-то делать нельзя на время пасьбы, например, нельзя на всё время пасьбы спать с женой, заниматься любовью. <...>. Нельзя стричь бороды, вот и ходили с тако, борода длинная и вот всё лето отрастала. **Нарушит**, в стаде будет непорядок, то медведь нападёт стадо, то волк, в общем, **падёж скота** начинался, потеря скота, **падёж, нападение** диких зверей, и тогда пастуха начинали, что ты виноват* (РНК).

Подведем итоги.

1. Полифонические включения официально-делового дискурса – институционального, идеологически индифферентного, ценностно нейтрального – реализуют в бытовом результирующем тексте модель «правильного», «гармоничного» социального существования.

2. Содержание когнитивных установок и стратегические решения их речевого использования определяются (1) социокультурной средой личностного формирования авторов результирующего текста, (2) конкретно-дискурсивными условиями его фиксации, (3) «наследованием» регулятивной функции официально-делового дискурса как прототекстового источника.

3. Обращение к официально-деловому дискурсу осуществляется в целях создания эффекта достоверности повествования, для передачи событий официально-делового характера, для оценки ситуации с позиции официальной нормы. Рассматриваемые полифонические включения используются в диалектном тексте в рамках стратегии воспроизведения «правильного» способа говорения о предмете и стратегии официализации бытового повествования.

Литература

1. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
3. *Фуко М.* Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»: Университетская книга, 2004.
4. *Пеше М., Фукс К.* Итоги и перспективы: по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 105–123.
5. *Иванцова Е.В.* Живая речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск, 2007.
6. *Богословская З.М.* Устная народная речь русских старожилов Сибири: Сб. текстов. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007.
7. *Слово:* Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2004.
8. *Слово:* Фольклорно-диалектологический альманах: Материалы научных экспедиций. Вып. 2: Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. Благовещенск: АмГУ, 2005.
9. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
10. *Романенко А.П.* Советская герменевтика. Саратов: Наука, 2008.
11. *Сологуб О.П.* Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009.
12. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007.